

Афганский пирог

Республика Беларусь все более активно выходит на новые рынки, в том числе Юго-Восточной Азии. Развиваются торгово-экономические отношения с Индией и Китаем. Но в этом направлении для Беларуси в определенной мере актуальна проблема нестабильности в Афганистане, стране с достаточно большой территорией, но низким уровнем безопасности, о чем все мы слышаны еще со времен Советского Союза.

Напомним, что историческое решение о вводе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (ОКСВА) на территорию соседнего с СССР государства было принято в декабре 1979 года. Примерно через 30 лет – в декабре 2001 года – Совет ООН принял резолюцию по созданию Международных сил содействия безопасности (МССБ) – International Security Assistance Force (ISAF). С 2003 года коалиционные силы расширили зону своего присутствия: по мандату ООН они уже могли действовать на всей территории страны, а не только в Кабуле и близлежащих районах. Также именно с 2003 года НАТО взяло на себя командование ISAF. Далее, по официальной версии Североатлантического альянса, силы постепенно расширяли свой «ареал». В итоге к 2006 году, как заявляют в НАТО, ISAF берут на себя ответственность за всю страну.

Автору этой статьи совсем недавно довелось общаться с чиновниками и военными НАТО в Брюсселе, где расположена штаб-квартира организации, и в Монсе, где находится штаб Верховного главнокомандования объединенных вооруженных сил НАТО по операциям (SHAPE). Представители этого натовского подразделения пояснили, что вся концепция их работы на афганской территории, в общем-то, сводится к трем основным шагам: Protect – Connect – Strengthen, что значит защита – кооперация – усиление. Фаза «защиты» считается уже пройденной. Теперь идет кооперация между ISAF и афганской стороной, а к 2014–2015 годам коалиция должна вывести из этой страны большую часть военной силы, которая сейчас насчитывает около 140 тыс. человек. Вывод, как гласит официальная натовская версия, не означает окончания деятельности в Афганистане. Альянс намерен больше сфокусироваться на том, что в НАТО называют

training mission (миссия обучения). Западные специалисты будут в основном обучать афганские силы безопасности, что, кстати, происходит и сейчас. Предполагается, что некоторые военные из стран, участвующих в ISAF, на какое-то время станут инструкторами в афганской армии. Примечательно, что, по информации Министерства обороны Армении, пять армянских офицеров проходят переподготовку в Кундузе (север Афганистана) для дальнейшей службы именно инструкторами. Интересно, что Армения – единственная страна, член ОДКБ, которая сейчас имеет военное присутствие на афганской территории. Как в НАТО, так и в армянском оборонном ведомстве сообщают: всего в этой стране немногим более 120 военнослужащих из Армении. Судя по тому, что основная группа – порядка 80 человек – охраняет аэропорт в Мазари-Шарифе и военную базу в этом же городе, армянская сторона направила в ISAF, скорее всего, только подразделение сухопутных войск.

По данным НАТО, сейчас ISAF контролируют примерно две трети страны, и число происшествий в этих местах снизилось более чем на 10 %. Но до конца не понятно, что именно считается происшествием, и насколько этим оптимистичным данным можно доверять.

Миссия ISAF состоит из военных многих стран, в том числе не входящих в НАТО, а имеющих с блоком партнерские программы. Но именно США играют там одну из главных ролей. Как известно, работают в Афганистане и американские дипломаты. Из неформальной беседы с одним из них, имеющим военное образование, удалось узнать несколько деталей о роли штатовской дипмиссии в Кабуле. Примечательно, что перед отправкой в Афганистан он прошел инструктаж по использованию автомата Калашникова. Правда, штатовец зачем-то

заверял меня, что с собой в машинах они там АК-47 не возили. Мол, оружие – это по части военных. Говоря о героиневой проблеме, он отметил, что она по-прежнему актуальна, несмотря на помощь афганцам в организации альтернативного выращивания сельхозпродукции, в частности гранатов. Еще похвастался тем, что США организовали из разрозненных афганских футбольных клубов чемпионат из одной лиги и даже внедрили интерактивное голосование, помогающее определить лучшего игрока.

В Афганистан без автомата

Пожалуй, еще более интересной для раскрытия афганской темы оказалась моя встреча с жителем Витебска Алексеем П. – подполковником воздушно-десантных войск в отставке, прошедшим Афганистан в составе ОКСВА. В пору службы он изучил на бытовом уровне местные наречия. Алексей и сейчас бывает в Афганистане – в последний раз приезжал в 2012-м. В этой стране его называют Алишером. И хоть многие там понимают, что приехал человек, когда-то воевавший с ними, в основном относятся с уважением. Рассказывая о своих афганских походах, он подчеркивает, как важно знать и соблюдать местные традиции: нельзя заигрывать с женщинами, заходить в жен-

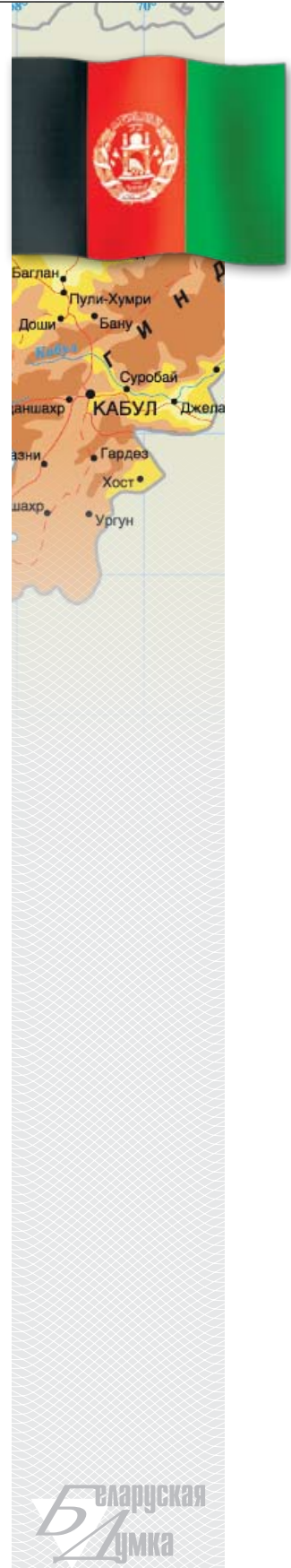

скую половину дома. Или, например, такой момент – некоторые пуштуны могут убить человека в таджикской шапочке, которая чем-то похожа на беретку. Поэтому в этих районах надо носить пуштунскую чалму.

В Афганистане Алексей общается и с молодежью, и с представителями старшего поколения: «Им интересно, ведь не так часто у них иностранцы. Тех же американцев практически и не видят: те ездят в бронированных машинах. В основном сидят в своих крепостях и блок-постах». Мой собеседник привел слова одного из афганцев: «Они не вояки. Вот вы были вояки. Шурави были воинами, воевали как львы, бывало даже в рукопашную ходили, а американцы (тут афганец прибавил смачное ругательство по-русски. – Прим. Алексея П.) – как шакалы... С шурави можно было поговорить о жизни, хлебом угостит, раньше и водки можно было выпить, школы, больницы строили, а Америка нас за людей не считает. Ближе чем на 20 метров не подойдешь, да и просто так не увидишь – сидят в БТР, смотрят на нас через триплексы. По вечерам у них точно в определенное время начинается обстрел гор вокруг Кабула. А талибы в это время спокойно в городе отсиживаются».

Интересно, что во многих местах путешественника ждали: «Видимо, у них очень хорошо поставлена разведка. В какой город ни приезжал, уже встречали: «Алишер!». Изначально Алексей П. отправился в Афганистан, чтобы попасть в Лашкаргах (столица провинции Гельменд): «Это самая южная точка. Дальше на юг от этого гарнизона у нас никого не было. Мы стояли как раз на караванных путях из Ирана и Пакистана. Называли мы это место Лошкаревкой. В 2009 году я написал в «Одноклассниках»: «А не слабо ли, ребята, 25 лет (с момента окончания службы в Афганистане. – Прим. авт.) встретить там, где мы воевали». Некоторые, конечно, не поверили. Писали, что, мол, контуженный. Поверили только тогда, когда я уже начал писать сообщения из Афганистана».

В 2009-м Алексей поехал автостопом через бывшие советские азиатские республики, нашел товарищей по оружию в Казахстане. В Кыргызстане, где он родился и где его отец служил пограничником, гостил у местных стражей границы три дня: «Даже чуть не поженили меня... Через Памир там особо никто не ездит, только экстремалы.

Старшина-киргиз с погранзаставы как раз и поймал мне машину с таким водителем. Это был француз, он ехал на «Рено-18». Общались мы с ним на английском. Самая большая высота, которую нам пришлось взять, 4655 метров – перевал Ак-Байтал. Со второй попытки только заехали». Но не только природные препятствия попадались на пути французо-славянского экипажа. На границе Кыргызстана и Таджикистана какие-то люди, которых Алексей назвал «неформальной организацией», выманивали «пошлину» в 80 долларов, якобы за пользование дорогой. «Сказал им, что у них и дорог-то нормальных нет, и в итоге мы ничего не платили», – вспоминает подполковник.

На посту местного наркоконтроля прием был более теплый. Путешественникам помогли найти место для ночлега в городе Хорог – в небезызвестном Горном Бадахшане, который когда-то был одним целым с афганской провинцией Бадахшан. Там с помощью бывшего советского военнослужащего Алексею по протекции местной администрации удалось достаточно быстро получить визу в местном афганском консульстве.

«Когда я уже второй раз – в 2011 году – снова приехал в это консульство, советник, который в 2009-м открывал мне визу примерно два дня, открыл за полчаса. К тому времени он стал уже консулом. Он спросил меня: «Ты еще живой?» – вспомнил интересную деталь Алексей П.

Любопытно, что путешествовал Алексей в своей военной форме. Прошел он так и через Ишканинский мост в Афганистан. «Начальник афганского поста сразу сказал, что нужно снять форму. Объяснил, что к ним приехал инспектор погранвойск генерал Салауддин, который был когда-то правой рукой Ахмад Шаха Масуда. А я ему сказал, что мы с Масудом расстались друзьями. Ахмад ведь сам говорил, что если сдаваться, то русским. Но все-таки заставили переодеться... Генерал слушал меня очень внимательно. Я ему даже про фашистскую оккупацию Беларуси рассказал... Он так смотрел на меня непроницаемо, а потом сказал, что ладно, мол, иди и ищи приключений на одно место – прямо по-русски и сказал... Кстати, там многие старики еще по-русски говорят, а молодежь уже по-английски», – рассказал путешественник.

Алексей переночевал на этой заставе, а утром пограничники помогли поймать машину. Он прибыл в Файзабад, где до сих пор осталась советская техника: «Местный начальник, который тоже в наше время воевал, говорил, будто они всю эту технику захватили. Хотя ничего подобного – это наши войска оставили». Постепенно добрался до Кабула. Отвечая на вопрос по поводу обстановки в афганской столице, подполковник привел красноречивый пример: «Вот когда я последний раз там был, террористка на мотоцикле врезалась в микроавтобус с индонезийскими летчиками. Взорвала себя и их. Кстати, там оказался и бывший советский гражданин».

В столице Алексей гостил у местных студентов: «Недельку у них прожил. Они были из разных провинций. У кого-то и отцы погибли, когда воевали с нами, но они были благожелательно настроены. Угощали своей пищей. Комнаты они не закрывают. Можно вещи так оставлять: никто ничего не трогает».

В 2009 году в Кабуле один человек сказал Алексею, что в Лашкаргах нужно ехать через провинции, которые не контролируются никем: ни ISAF, ни афганскими силами безопасности. «Я ему возразил, что сейчас к «шурави» отношение уже поменялось. А он мне: «Ну, правильно. Они тебя сначала убьют, а как узнают, что ты – шурави, так будут плакать», – вспоминает мой собеседник.

...До Лашкаргаха решил добраться наземным путем. Поймал микроавтобус, который ехал на Кандагар. Но из этого ничего не вышло: «Отъехал от Кабула 50 км, и останавливают бородачи. Не в форме, а в обычной одежде. Говорят: «Алишер, иди сюда». Думаю, ну все, приехал. А они мне сказали, чтобы ехал обратно в Кабул. Пришлось вернуться».

В столице уже знакомые студенты посадили Алексея на автобус до Кундуза: «Но я заснул и проехал Кундуз. Мне уже потом сказали, что я ехал в самое логово Талибана... В общем, я выхожу, а там полицейский пост. Я был в форме тогда. Они на меня тарчатся: «Откуда здесь шурави?!». Посадили в бурбухайку, чтоб доехал до Кундуза: мы так когда-то окрестили местную технику. В этом пикапе было человек десять. Один все удивлялся: «Шурави... обратно вернуться!!! Америку выгоняйте».

Когда Алексей прибыл уже достаточно близко к границе с Таджикистаном, афганский полицейский сказал: «Ты что, шурави? Там талибы дальше. Они тебя убьют. Нельзя туда». Но все же бывший десантник добрался до таджикских пограничников, которые также очень удивились.

В 2011 году моего собеседника снова «позвал» Афганистан. К Алексею обратились участники «Памирского марша», которые в 1980 году прошли со штатной техникой по Памиру через множество перевалов, в том числе с боями, и вошли в Файзабад – столицу Горного Бадахшана. Фактически советские военнослужащие участвовали в операции, аналогичной переходу Суворова через Альпы. Вместе с участником того похода Алексей и отправился из Сибири в Афганистан на автомобиле. По разным причинам эта поездка была недолгой. А в минувшем году его взяли в Афганистан дальнбойщики, которые везли грузы из Латвии для американских военных. На этот раз поехали через границу с Узбекистаном. Как отметил Алексей: «Особо колонны не бьют... Ну, пробили там гранатометом один рефрижератор перед нами. Знают ведь, что грузы для НАТО». Пока разгружались, наш путешественник успел погулять по столице. Он узнал, что именно в Кабуле, как это ни странно, можно купить американскую форму и некоторое снаряжение, в том числе фонарики и ножи. Может быть, это не без помощи «прапорщиков» армии США?..

Отвечая на вопрос по поводу того, удалось ли пообщаться с военными западных стран, Алексей пояснил, что в 2009 году в Файзабаде беседовал с немцами: «Сначала не подпускали к себе, но я объяснил, что воевал там тоже, показал фотографии. Один из них рассказал, что у него родственники есть в России. Еще сказал, что слышал,

как мы воевали, что про нас можно писать героические описья».

Алексей поведал и такие интересные факты: «В 2012 году проехал по местам, где когда-то побывал Валерий Гайдукевич (до недавнего времени командующий внутренними войсками МВД Беларуси, а сейчас – председатель Белорусского союза ветеранов войны в Афганистане и Белорусской федерации кикбоксинга и тайландского бокса, депутат Палаты представителей Национального собрания Беларуси. – *Прим. авт.*). Он командовал 1-й ротой, которая входила в группу захвата, то есть попала в Кабул первым самолетом. Когда происходил штурм дворца Амина, рота получила задачу блокировать афганскую 8-ю пехотную дивизию. То есть одной ротой он блокировал целую дивизию».

С военными бывших советских республик – Азербайджана, Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Украины и Эстонии – Алексею встретиться не удалось. Однако он слышал, что армяне есть не только на севере, но и у Кабула, а грузины и эстонцы, например, дислоцированы сейчас как раз в Лашкаргахе. По словам местных жителей, грузины ведут себя так же, как и американцы: практически безвылазно находятся в своих укрепрайонах.

Что касается наркотиков, то маковые поля по-прежнему украшают афганские пейзажи, например в Бадахшане. Но что интересно: в Швейцарии живет принц Карим Ага-хан IV, которого афганцы считают потомком пророка Мухаммеда. Так вот, он учредил премию Ага-хана по сельскому хозяйству и помогает тем афганским земледельцам, которые отказываются от наркопромысла. Возможно, именно благодаря этой поддержке некоторые фермеры перешли с мака на шафран. На этой культуре

тоже можно заработать. Возможно, в этом будущее афганцев?

«Из-за войны нас считают террористами»

Глазами белорусского подполковника, конечно, интересно посмотреть на Афганистан, но я не мог не обратиться и к представителю самой страны. Ответить на мои вопросы любезно согласился коллега Джавид Омид – молодой афганец, работающий в кабульском бюро китайского новостного агентства «Синьхуа».

– Часто ли приходится работать с подразделениями ISAF?

– Если мы хотим встретиться, то для журналистов тут есть сложности. В первую очередь, нужно получить у них специальный бейдж и выполнить целый ряд требований. Только после этого мы можем с ними работать, выезжать на места операций.

– Действительно ли, как утверждает НАТО, две трети страны находится под контролем национальных сил безопасности?

– Да. Две трети страны сейчас контролируют афганские силы безопасности. Процесс передачи территорий под их контроль продолжается. Он должен быть завершен в 2014 году, когда все иностранные силы покинут Афганистан.

– В НАТО говорят, что миссия не будет завершена в 2014–2015 годах, а просто ISAF сфокусируются на обучении афганских сил безопасности. Это так? Способны ли афганские силы контролировать страну?

– Окончательного ответа нет. Думаю, НАТО и США выведут войска в 2014 году. Афганские же силы будут неспособны обеспечивать безопасность для населения, потому что армия и полиция не имеют должного оснащения. К тому же, внутри этих структур существует влияние талибов. С другой стороны, в армии нет единства: некоторые вооруженные формирования принадлежат Талибану и Хезб-е Ислами (Исламская партия Афганистана – ИПА), а некоторые – группам моджахедов. Все они раньше воевали с Советской армией. Я думаю, что вывод войск НАТО, в том числе США, будет таким же, как и вывод советских подразделений, который был причиной падения коммунистического афганского правительства в 1990-х.

– Сейчас в рамках кооперации НАТО и России в Новосибирске обучается афганский персонал для вертолетов Ми-8 (Ми-17), а также для Ми-24 (Ми-35)...

– Да. Афганские силы по-прежнему используют русскую технику, в том числе и вертолеты Ми-8 (Ми-17). Только отдельные образцы заменены на американские. Армия, например, использует автоматические винтовки М16, но полиция – автомат Калашникова.

– А что ты думаешь о Талибане? Афганцы поддерживают это движение?

– Талибан – это самая экстремистская группа в Афганистане, которая не уважает права человека и умеет только убивать. Некоторые старейшины и жители страны, особенно в южных провинциях, поддерживают талибов. Известно, что в отдаленных районах тех, кто не любит талибов, заставляли поддерживать Талибан под угрозой смерти.

– Какие провинции контролируют талибы?

– Они не контролируют административные центры провинций, но их активность проявляется в деревнях и отдаленных местах. Вообще, в основном, на юге страны центры провинций находятся под контролем правительства, а за пределами городов – Талибана. Талибы атакуют натовскую технику на дорогах, нападают также и на базы афганских сил.

– Влияет ли Пакистан на ситуацию в вашей стране?

– За тем, что Афганистан практически находится в состоянии войны, стоит Пакистан. Все террористы обучаются там. Когда Пакистан захочет мира, то он будет достигим в Афганистане.

– А как война повлияла именно на тебя и твою жизнь?

– Война – это главная причина нашего отставания. Война негативно отразилась и на облике нашей страны, и на жизни людей. Лично я, например, не могу выезжать за пределы Кабула, потому что меня убьют талибы или другие экстремисты. А с другой стороны, из-за этой войны люди из многих стран называют нас террористами. Но мы каждый день теряем ни в чем не повинное гражданское население...

– Правда ли, что дипломаты из США помогли афганцам создать профессиональную футбольную лигу?

– Нет. Афганская футбольная премьер-лига создана НОК Афганистана при содействии частного телеканала TOLO TV и телекоммуникационной компании ROSHAN. Первенство проходит в сентябре – октябре и приветствуется всеми афганцами, а также американским посольством в Кабуле.

Что говорят эксперты?

Для создания более полной картины взаимоотношений Афганистана с миром и, в частности, с Беларусью, вполне уместно будет узнать и мнение эксперта – кандидата исторических наук, доцента факультета международных отношений БГУ Розы Турбековой.

– Насколько можно доверять информации НАТО о контроле за двумя третями афганских провинций? Способны ли ISAF и национальные силы поддерживать безопасность в Афганистане?

– Сложно сказать, насколько они контролируют ситуацию. Вообще в Афганистане в последние годы были периоды более безопасные, а были и обострения, когда талибы наступали – это примерно 2005–2006 годы. Тогда американцы настояли на увеличении численности ISAF. Сначала Великобритания перебрасывала туда свои войска из Ирака, а потом и США.

– Говорят, что военнослужащие сил ISAF мало выезжают за пределы своих баз, а операции проводят ночью.

– Насколько мне известно, действительно, в основном ночью. По большей части они оказывают поддержку с воздуха афганским силам. Стараются как можно меньше проводить наземных широкомасштабных операций, потому что есть проблемы между национальными контингентами внутри ISAF. В последние полтора года были случаи, когда канадцы отказывались от участия в наступлениях на талибов. Конечно, тут вопрос и в числе погибших военнослужащих. Это влияет на позицию, например, правительства Канады. А в случае с бундесвером есть проблемы применения силы, связанные с Конституцией ФРГ.

По-моему, у ISAF есть шанс на более-менее удачную передачу контроля афганским силам. Тем более что у некоторых стран НАТО имеется соответствующий опыт, например, по выходу из Ирака и передаче контроля над ситуацией. Но в Афганистане все

значительно сложнее, так как там намного больше этнических и религиозных групп. Намного сильнее и влияние региональных внешних сил – Ирана, Пакистана, Индии, Китая... И если Индия и Китай играют стабилизирующую роль, то, например, у Пакистана интересы другие. Поэтому ситуация с передачей контроля сложная. Предполагается, что к концу 2014 года будет выведена большая часть войск и останется около 20 тыс. военных. Правда, не до конца ясно, как будут передавать этот контроль. Как мне пояснили в НАТО, передают контроль, прежде всего, над городами: отталкиваясь от численности населения, начинают с более густонаселенных районов. Причем тогда, когда сами афганские силы сообщают, что готовы принять регион. Это информация от представителей НАТО. Однако, скорее всего, существует разница между тем, что они говорят, и тем, что происходит на самом деле.

– Действительно ли талибы делают своих людей в афганские силы безопасности? Мне довелось слышать утверждение, что они проходят обучение у инструкторов ISAF, а потом стреляют в спины военным из коалиционных сил.

– Да. Даже в НАТО подтверждают, что такие факты есть...

– Насколько однородны афганские национальные силы? Они делятся на регулярные части и неформальные команды боевиков, которые подчиняются Кабулу?

– Там все намного сложнее. Афганские силы, скорее всего, делятся по этническому принципу. Самая многочисленная группа в стране – пуштуны, далее идут таджики, затем узбеки, хазарейцы, туркмены, аймаки

и другие. Главное, чтобы у ISAF получилось выработать механизм согласования интересов первых пяти групп. Еще нужно учесть, что пуштуны тоже делятся на племена: есть лояльные к нынешнему правительству Карзая, который сам пуштун, но другие племена – его противники, поддерживающие талибов. Все это не может не отражаться на структуре афганских сил. Представитель НАТО рассказывал историю. При наборе подразделения пуштунам, включенным в него, предложили идти под начало хазарейца. Они категорически отказались. Пуштуны – это титульная группа, а хазарейцев намного меньше. Живут они изолированно на горном плато Хазараджат. По расовому типу они монголоиды, к тому же еще и шииты, а большинство афганцев – сунниты... Получается, что нужно набирать армию из отдельных моноэтнических групп. Но вряд ли здесь применим опыт плавильного котла наций, как в Соединенных Штатах. Так что придется создавать многоплеменную армию, которая, в общем, всегда и была там. Но есть другая проблема. Существуют провинции со смешанным этническим составом: в городах, например, таджики, а на периферии – пуштуны. По каким принципам тогда формировать силы безопасности в таком регионе?

Правда, есть один положительный момент. ISAF действуют поступательно и постепенно. Они очень внимательно проводят мониторинг ситуации. Хоть есть и много «но», как видите.

– Может, проблема еще и в том, что войска должны либо воевать, либо нет, а не держать непонятную оборону, как в Афганистане? 140 тысяч человек – контингент явно недостаточный для обороны страны...

– Конечно, это небольшой контингент, особенно если принять во внимание количество, скажем так, неофициальных вооруженных формирований. Но плюс в том, что они решили вести диалог с талибами. У советского руководства в свое время не было такого варианта. Они должны были поддерживать только НДПА. Это были союзники идеологические, геополитические и так далее. Американцы же, наступив на горло своей песне, все же признали, что Талибан – это политическая сила.

– Многие ли поддерживают талибов в самом Афганистане?

– Достаточно большое количество жителей, особенно среди пуштунов, поддерживает их. Хотя никто не скажет точный процент такого населения. Но, судя по тому, что с талибами не смогли справиться в первые два-три года, это реальная сила, с которой надо считаться. Наверное, нужно привлекать их к управлению страной, как когда-то поступили с суннитами в Ираке. Но я предвижу еще одну проблему – новый передел пирога между военно-политическими силами Афганистана. Кто будет контролировать наиболее важные провинции, когда уйдут ISAF? Это не только вопрос контроля торговых путей. Сейчас там актуальна и тема полезных ископаемых. Этот фактор может и стабилизировать ситуацию, и порождать конфликты.

– Вероятно, тут можно говорить и об интересах третьих стран, в том числе КНР?

– Здесь как раз роль Китая, Индии и западных стран достаточно велика. Китайцы могли бы способствовать стабилизации, вкладывая деньги в инфраструктуру вблизи месторождений полезных ископаемых. Но КНР ведет себя очень прагматично, интересуясь только конкретными проектами.

– А какие интересы в Афганистане могут быть у Беларуси? С учетом того, что в 2012 году наши правоохранительные органы изъяли не одну тысячу килограммов героина, наверное, это, прежде всего, вопрос борьбы с транзитом наркотиков?

– Я смотрю на эту ситуацию пессимистично. Наркоиндустрия в Афганистане очень развилась и пустила корни, и она – очень ликвидная сфера. Опиумный мак растет в Афганистане как сорняк, и уничтожить его трудно. Эта страна практически монополист в данном секторе мирового наркотического рынка. А замена мака на такие культуры, как шафран, требует вложения средств... Думается, будущее Афганистана больше связано с полезными ископаемыми и развитием транзитного потенциала. В это действительно вкладывают деньги Китай, Индия и США. У Беларуси тоже есть свои интересы на афганском векторе. Если там будут затеваться большие проекты по строительству инфраструктуры и к этому будут причастны стратегические партнеры, например Российская Федерация и КНР, то открываются перспективы для нашей машиностроительной техники.

Василий МАЛАШЕНКОВ ▀